

Миронов Андрей А.

19/III 88 139

Соб. изд. 1988 г.

19 марта 1988 г.

АНДРЕЙ...

С глянцевиной обложки журнала — его улыбка, так близко знакомая и его друзьям, и его почитателям. Как всегда непринужденная поза, исполненная неуловимого и в то же время явственного артистизма, изящества — он легко оперся одной рукой, а другую бросил вперед, и она легко повисла, мужская и по-мужски красивая...

Двенадцатый номер журнала «Театр». Последний, декабрьский номер 1987 года... Журнал печатался в типографии в городе Чехове, готовился заранее, когда Андрей был жив — здоров — могла ли кому-нибудь прийти в голову дикая мысль, что смерть нагонит, достигнет его. Именно его — смеющегося, веселого, в расцвете лет, его — такое живое из всех человеческих воплощений...

Сменяющаяся обложка журнала стала как бы окаймлять невидимая траурная рамка. А вдогонку, в Чехове, в типографию полетели статьи о его гибели. Да, это была не просто смерть — гибель.

При исполнении Художнического долга.

В день похорон на всех улицах и в переулках, ведущих к площади Маяковского, к Театру сатиры, — нескончаемые людские потоки пришедших проститься с артистом...

С великим трудом удалось пройти.

Я уже мог подойти к Андрюше, взглянуть в его лицо — в последний раз.

Мог. Но — не подошел. Не хватило сил.

Прости меня, Андрюша.

Прости.

Случилось так, и тому был рад необыкновенно — в течение многих-многих лет я был связан с Андреем — он играл с 1970 года в драме-фантазии на темы Всеволода Вишневского «У времени в плену».

Играл Всеволода. Главную роль.

Второй по смыслу и по значению была роль старшего друга Всеволода, солдата, а потом генерала Егора Сысоева... Играл Анатолий Паланов.

Ушел из жизни за девять дней до ухода Андрея.

Спектакля не стало.

Говорят, незаменимых нет.

Неправда это. Есть незаменимые. Есть.

Есть. В своей книге «Наедине со зрителем» — рассказываю — Валентин Николаевич Плучек приезжал ко мне в Ялту, где я работал, и сказал: «Хочу сделать спектакль о революции и думаю о «Первой Конной» Вишневского».

Плучек предложил мне сделать новую редакцию когда-то тремевшей, а теперь основательно забытой пьесы. По замыслу это должен быть солдатско-матросский мюзикл.

Однако меня занимала иная идея. Я думал о цикле «Художник и Революция» и предложил пьесу Вишневского, а пьесу о Вишневском. Причем условную, свободную от конкрет-

Он родился 8 марта. В праздничный весенний день. Его жизнь и будет, пожалуй, такой праздничной и весенней... Прошло всего семь месяцев, прошел первый день рождения без него. Но все равно, как прежде, как всегда, собрались его друзья.

Андрея Миронова любил народ, любили взрослые и дети, рабочие и интеллигенция, любили писатели и музыканты, режиссеры и зрители. В переполненном зале Центрального дома актера, где, сколько ни подставляли кресел и стульев, все равно не хватило мест и люди стояли несколько часов во всех проходах, его друзья вспоминали и рассказывали о нем, исполнялись его любимые песни и звучали его любимые шутки...

Мы представляем слово его другу, старшему другу Андрея — Александру Штейну.

ных подробностей пьесу-фантазию, пьесу-размышление, пьесу-воспоминание. Если хотите — пьесу-стихотворение. Факты и вымысел, легенда и документ. Вишневский — это «Мы из Кронштадта» в кинематографе, это «Оптимистическая трагедия» в театре. Муза Вишневского — гражданская война, ее романтика и ее трагедия... Ровесник века и сын века. Со всеми присущими его поколению роковыми ошибками, заблуждениями, иной раз непростительными...

В. Плучека увлекла идея создания именно такого спектакля. Ни внешним обликом, ни манерой, ни походкой, ни улыбкой, ну ничем Андрей Миронов

не был схож с героем, которого ему предстояло сыграть. И тем не менее почему-то именно он непреложно виделся и автору, и режиссеру исполнителем решающей роли.

Андрей пришел ко мне домой, с прекрасной и подкупающей жадностью вынимал из меня все, что я знал и думал о времени, о его героях.

Завороженно глядя в старые фотографии, засыпая меня неожиданными вопросами, всматривался в заснятого войсковым фотографом мальчика из петербургской дворянской семьи, которого водили гулять в Летний сад. Потом, в 1914 году, мальчик убежал из дома на Западный фронт, стал лихим разведчи-

ком, за храбрость был награжден двумя георгиевскими медалями и георгиевским крестом, высшими солдатскими наградами... И вот он уже матрос с «Вани-Коммуниста», разбомбленного корабля Волжской флотилии, которой командовал мичман Федор Раскольников, а вот — пулеметчик Первой Конной, а вот писатель, друг и единомышленник Всеволода Мейерхольда...

Показываю Андрею дневниковые записи Вишневского, его послевоенные размышления. Пишет с горечью о том, как он, Вишневский, «переносил по инерции в литспоры прежние военные восприятия». Не забуду, с каким напряженным вниманием слушал Андрей чистосердечное признание Вишневского: «Некоторых из моих оппонентов я ненавидел, как врагов на фронте, и нужно было несколько лет, чтобы привести себя в норму, чтобы остыть, чтобы отличить врагов настоящих от друзей». Признание, которому не откажешь в честности и в способности соизмерить свои заблуждения с истиной... Андрею казалось — и справедливо — очень, очень важно передать двойственность и противоречивость характера Всеволода, который дружил с Сергеем Эйзенштейном, с Александром Таировым, требовал в тридцатые годы писательского изучения «Улисса» Джойса, активно поддерживал талант и произведения Юрия Олеши, а с другой стороны — ополчался на так называемые «потолочные» пьесы Афиногенова... А еще он не понимал и не принимал Михаила Булгакова, что было одной из его серьезнейших и печальнейших ошибок...

Помнится, говорили мы с Андреем о пленительности образа Ларисы, образа, навеянного знаменитой Ларисой Рейснер. Я рассказывал ему о трагической судьбе ее мужа, Федора Раскольникова. Андрей прочитал книгу ее удивительной, прозрачной и мужественной прозы — удивился, узнав, что она умерла своей смертью уже в мирное время, после гражданской войны... Ему очень пришлось по душе, что по жизни никакой влюбленности Всеволода и Ларисы на самом деле не было, что все это фантазия, условность, а не исторический факт. И он очень любил сцену Всеволода и Ларисы, его музыку, символа любви, и не раз исполнял ее в концертах.

Вместе с тем ему были важны реальные подробности времени, тут он был дотошен до педантизма...

Его не удовлетворил эпизод ленинградской обороны, и по его настойчивой просьбе я написал ему не существовавший ранее в пьесе «ленинградский

монолог. Он взял его на вооружение, как брали на вооружение речи Вишневского в блокаду, — в них была страсть, вера и надежда, так много решившие в судьбе Ленинграда...

Признателен Андрею за эту роль, за его талантливое и чудесное перевоплощение, за бережность, с какой он хранил долгие годы образ Всеволода. Низко кланяюсь ему за это.

Я не раз приходил смотреть спектакли — и всякий раз мне казалось, что он играет еще лучше, нежели раньше. Мы с женой заходили в его гримуборную, и он светился, когда его от души хвалили. И он действительно был прекрасен. Образу с годами рос, мастерство становилось уверенней, крупней...

Я все откладывал и откладывал писание этих заметок — тяжело наново прощаться с Андрюшей.

Само сочетание слов «Андрюша» и «воспоминание» было невыносимым.

Наконец сел за машинку. Что меня подтолкнуло? Это было 4 февраля 1988 года.

В начале февраля, вот уже двадцать лет, мы с моей женой Людмилой Яковлевной Путиевской виделись с Андреем Мироновым в доме Игоря Кваши и его жены, нашей дочери Татьяны. Они встречали свои почти совпадавшие по числам дни рождения, и в их квартире неизменно собирались близкие люди. Были тут и коллеги Татьяны — врачи, и коллеги Кваши — артисты и режиссеры, приходили на огонек писатели, поэты, художники, родные, всегда бывало шумно, вольно, кипели споры, звенели тосты.

Непременным участником этих семейных и дружеских торжеств был Андрей Миронов.

Впрочем, сказать «был участником» — значит ничего не сказать. Легко, как-то само собою он становился центром веселья, придавал праздничность, венчал остроумием, оно пенилось, как шампанское, бокалы которого он поднимал, каждый раз поражая, восхищая всплесками своего вдохновения, легкой и блестящей ироничностью, мгновенной и неотразимой импровизацией.

Ну как же он был ослепителен, как неповторим, как украшал эти милые вечера своим обязательным присутствием!

Да, он поистине был душой общества в самом высшем, благородном значении этого слова. Душа общества. Центр человеческого притяжения, излучавший очарование, талант, доброту, доброту, доброту... Да, он был на редкость добрым созданием нашего отнюдь не доброго века...

В этот февраль у Кваши не собирались.

Все отменили. Нет Андрюши.

Александр ШТЕЙН.
● Андрей Миронов.
Фото Г. Дяконова.